

А.А. Смирнов

Проблемы анализа стихотворений А.С. Пушкина в аспекте истории текста

Аннотация: В статье рассматривается проблема движения пушкинской поэтической мысли на примере сохранившихся черновиков его лирических произведений.

Ключевые слова: лирика, стиль Пушкина, история текста, черновые варианты

Abstract: The problem of motion of Pushkin's poetic thoughts on the example of the surviving drafts of his lyrical works is discussed in this article.

Key words: the lyrics, the style of Pushkin, text history, draft copies

В данной работе мы постараемся проследить стилевые изменения в процессе изучения истории текста – от черновых его вариантов до белого автографа.

Стихотворение «Аквилон» было написано в 1824 г., в его основу положен древний басенный сюжет: гордый дуб, кичившийся своим могуществом перед тонкой тростинкой, уничтожен налетевшим грозным вихрем-аквилоном, а гибкая тростинка, припавшая к земле, уцелела.

Пушкин сохранил почти все элементы сюжета и облек его в форму лирического стихотворения, сохранив эзоповский подтекст: «грозный аквилон» (аналогия с Александром I) разогнал «бурны тучи», низвергнул дуб, который «в красе надменной величался» (Наполеон). В интерпретации Пушкина басня об аквилоне претерпевает определенные изменения: вырвав «величавый дуб» с корнем, аквилон яростно обрушивается на «прибрежный тростник» (скрытая аналогия по отношению к поэту). Последнее четверостишие обращено к аквилону:

Пуškai же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,

И тихо зыблется тростник. (II, 365)¹

Для более глубокого осознания смыслового состава стихотворения в тех случаях, когда это представляется возможным, имеет смысл обратиться к черновым материалам А.С. Пушкина, проследить тот путь, который произведение прошло от первоначального до окончательного варианта. По мысли С.Д. Селивановой, «пушкинская редакция не только улучшает текст, делает его художественно более совершенным, даже не только уточняет сказанное. Подчас она наполняет произведение новым смыслом, новым духовным содержанием»². Обратимся к черновому варианту «Аквилона».

Первоначально первая строфа в черновом варианте выглядела следующим образом:

За чем ты, грозный Аквилон,
Тростник болотный долу клонишь,
За чем на чуждый небосклон
Ты облачко так бурно гонишь (II, 910)

В первом четверостишии стихотворения происходит изменение эпитетов: «тростник болотный» в первоначальной редакции Пушкин заменяет новым вариантом «тростник прибрежный» в переработанном варианте. Таким образом достигается большая нейтральность смысла текста, уменьшается пренебрежительная характеристика, данная тростнику первоначально. Изменение эпитетов в третьей строке – «чуждый» на «дальний» – избавляет текст стихотворения от излишней конкретики. Четвертая строка («Ты облачко так бурно гонишь») в окончательном варианте звучит как: «Ты облачко столь гневно гонишь», что свидетельствует об усилении экспрессии и переводит повествование в аллегорический план: аквилон приобретает антропоморфные психологические качества – способность быть грозным («грозный Аквилон» в первой строке рассматриваемого четверостишия) и разгневанным. Поэт иронизирует по поводу сильного вихря: гнев и недовольство аквилона направлено всего лишь против незаметной тростинки. Сила и мощь, с которой аквилон обрушивается на тростник, несоразмерны самому объекту его гнева. За авторской иронией в первой строфе чувствуется аллегория: одержав победу над Наполеоном, Александр I не пренебрегает возможностью наказать поэта, выслав его в глухую деревню. Наказание не соответствует тяжести проступка. Окончательный вариант первой строфы звучит:

Зачем ты, грозный Аквилон,
Тростник прибрежный к долу клонишь?

¹ Здесь и далее в тексте указан номер страницы арабскими цифрами и том римскими по акад. изд.: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. М.; Л., 1937–1949.

² *Селиванова С.Д. Над пушкинскими рукописями.* М., 1980. С. 20.

Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь? (II, 365)

Во вторую строфу Пушкин вносит сравнительно незначительные изменения: «бурные тучи» в первоначальном варианте заменены «черными тучами» в окончательном, что позволяет усилить негативный тон в восприятии «туч» – невзгод, нависших над страной в связи с нашествием войск Наполеона, и подчеркнуть опасность, угрожавшую России. Это дает возможность в следующей строфе представить торжество аквилона – Александра I – над Наполеоном в выгодном свете: несмотря на серьезность приближающейся опасности, была одержана победа, вызывающая мысли о могуществе русского императора. Вторая строка этой же строфы отмечена изменением наречия, определяющего характер действия «черных туч»: «глухо» Пушкин ставит вместо «мрачно». Тучи как бы лишаются «личностного начала», воспринимаются, как нечто неодушевленное, теряют способность вести себя как живое существо, что придает опасности более угрожающий характер. Окончательный вариант второй строфы звучит:

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался... (II, 365)

Под «дубом», отмеченным «красой надменной», подразумевается сам Наполеон¹.

Далее обратимся к третьей строфе. Поскольку в процессе работы поэта над стихотворением в ней очень многое было подвергнуто пересмотру, приведем сначала черновой вариант:

Ты черны тучи разогнал
Ты дуб низвергнул величавый
Ты прошумел грозой и славой
Ты долам солнце даровал (IX, 911)

Изменения проведены в основном на композиционном уровне: поэт меняет местами первую, вторую и третью строки, четвертая не входит в оконча-

---

¹ Примечателен тот факт, что во многих стихотворениях, посвященных этому историческому деятелю, «надменный» – один из наиболее часто встречающихся эпитетов, характеризующих императора Франции. Как вариант, возможно употребление эквивалентных слов или словосочетаний, обладающих сходным смыслом: «Надменный! Кто тебя подвигнул? Кто обуял твой дивный ум?» («Наполеон», 1821; II, 215); «Явился Муж судеб, рабы затихли вновь, Мечи да цепи зазвучали... Все было предано презренью, Как ветру предан дольний прах» («Зачем ты послан был и кто тебя послал?», 1824; II, 314).

тельный текст стихотворения, и вместо нее в самое начало строфы помещается новая строчка:

Но ты поднялся, ты выиграл... (II, 365)

Эта строка органично сочетается с последующей («Ты прошумел грозой и славой»), создавая, посредством троекратного повторения «ты» ощущение единого эмоционального подъема. Аквилон словно поднимается до заоблачных высот и приносит освобождение от гнетущей напряженности глухо облекающих небо туч. В этой строфе актуализируются мотивы свободы в свете собственно романтического миропонимания: могущество разбушевавшейся стихии мыслится всеобъемлющим, готовым уничтожить все преграды на пути к абсолютному и полному освобождению. В заключительных строках третьей строфы местоимение «ты» заменяется союзом «и»:

И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый,

что избавляет текст от чрезмерных повторов.

Таким образом, в черновом варианте сначала воспроизводятся действия сильного вихря – он разгоняет тучи и сокрушает «величавый» дуб, – а затем дается обобщенное описание этих действий и их конечный результат – увенчанный славой, Аквилон освобождает землю от власти тьмы и «дарует» ей солнце. Совсем иная последовательность в изложении событий представлена в окончательном тексте стихотворения: триумф Аквилона предваряется описанием рождения недовольства в недрах разбушевавшейся впоследствии стихии, троекратно повторяющееся «ты» в первых двух строках усиливает эмоциональный напор, увеличивает напряжение, которое в конце концов разрешается его победой.

Черновой вариант последнего четверостишия первоначально звучит таким образом:

С тебя довольно – пусть блистает
Теперь веселый солнца лик
Пусть облачком зефир играет
И тихо зыблется тростник. (II, 911)

В процессе поиска нужных слов Пушкин последовательно отвергает три варианта:

- а) Спокойся ж – снов<a> <?> пусть <?> блистает
Теперь веселый солнца лик
- б) Спокойся ж – пусть теперь блистает
веселый солнца лик

- в) Отныне блистает
Пушкой веселый солнца лик

и останавливается на четвертом:

- г) Пушкой же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает. (II, 911)

Поэт все более и более устраняет свое участие в «усмирении» аквилона: если в первоначальном варианте слышатся императивные интонации («С тебя довольно...»), то в последующих угадывается просьба («Спокойся ж...») и, наконец, в окончательном варианте остается лишь пожелание («Пушкой же...»).

Примечательным является также тот факт, что перекрестная рифмовка в четвертой строфе заменяется кольцевой. В черновом варианте стихотворения аналогичное изменение претерпевает третья строфа, однако в процессе работы Пушкин оставляет в этом четверостишии перекрестную рифмовку, а кольцевую переносит в четвертую строфу, что акцентирует внимание читателя на завершающих строках «Аквилона», в которых содержится пожелание поэта, касающееся его дальнейшей судьбы. Этот факт представляется тем более значимым, коль скоро мы вспомним о цели, которую Пушкин преследовал при создании стихотворения, – обратить внимание русского императора на несправедливость по отношению к поэту.

Обратившись к рукописному тексту «Аквилона», мы можем проследить последовательность создания стихотворения: изменение эпитетов в первой и второй строфе позволяет уточнить способ выражения идеи стихотворения, придать более или менее конкретный характер образной системе, подчеркнуть положительные и усилить отрицательные стороны описываемых явлений. В результате творческой работы над первыми двумя четверостишиями «Аквилона» грозным тучам придается более негативный, чем поначалу, характер (изменение эпитета «бурные» на «черные»), малозаметная тростинка описывается менее пренебрежительно, чем в черновом варианте стихотворения (она получает эпитет «прибрежной», вместо «болотной»). Текст «Аквилона» избавляется от излишней конкретики посредством изменения эпитета «чуждый» (относящегося к небосклону) на «дальний» в первом четверостишии. В третьей строфе происходят изменения в основном на композиционном уровне: меняется порядок строк, и добавляются анафорические единичия, в результате чего стихотворение превращается в стройное композиционное целое. Изменения в четвертой строфе смягчают первоначально требовательный тон лирического героя («С тебя довольно...») до пожелания («Пушкой же...»), устраняя, таким образом, его участие в усмирении аквилона.

«Зимняя дорога»

Проблема взаимосвязи личности и окружающих ее внеличных сил в стихотворении «Зимняя дорога» пронизана чувством трагической безысходности, бесконечно повторяющимся мотивом душевной подавленности, безнадежного состояния скуки, охватившей лирического героя. Драматичность концовки «Зимней дороги» отчасти смягчается незримым присутствием домашнего очага, уюта, близости дорогого для сердца лирического персонажа существа среди однообразия заснеженной равнины. Гнетущее ощущение неизбывной тоски превращает живое многообразие жизни в «утомительный» звон колокольчика.

Стихотворение «Зимняя дорога» открывается описанием картины природы, предстающей взору лирического героя. Уже с первых строк в тексте стихотворения слышатся тревожные ноты, задающие тон дальнейшему повествованию. Первое четверостишие было записано Пушкиным в черновике, без дальнейших значительных изменений:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна
На печальные поляны
Сыплет блеск <она> (III, 585)

(если не считать описки – вместо «Сквозь волнистые туманы» в черновом варианте стояло «Сквозь печальные поляны»). Пушкин изменяет только четвертую строку, заменяя ее окончательным:

Льет печальный свет она,

за счет чего усиливаются, по сравнению с первоначальной редакцией, мотивы грусти, тоски. Двукратный повтор эпитета «печальный», характеризующего сначала поляны, а затем свет луны, создает впечатление безотрадности простирающегося вокруг пейзажа. Грусть, испытываемая лирическим персонажем, переносится на окружающие его явления действительности. В начале текста передается только зрительное представление («Сквозь волнистые туманы», «Сыплет блеск она»). «Сыплет», возможно, связано со снегом. Однако поэт отказывается от этой новой черты, а лишь усиливает ощущение печали («Льет печально свет она»).

Следующее четверостишие написано им почти все сразу. Эпитеты, которые Пушкин употребляет во второй строфе для описания дороги («зимняя, скучная»), звучания колокольчика («колокольчик однозвучный»), призваны усилить впечатление безысходности. Первоначально второе четверостишие выглядело следующим образом:

По дороге зимней скучной
Тройка борзая бежит
Колокольчик однозвучный
На <нрзб.> гремит, гремит (III, 585)

Первые три строки чернового варианта в неизменном виде вошли в окончательную редакцию стихотворения, над четвертой же поэт долго работает:

- а) На <нрзб.> гремит, гремит –
- б) На дуге <?> гремит, гремит –
- в) На своей дуге <?> гремит –
- г) На дуге <?> своей гремит –

Двукратно повторенное «гремит» в первых двух вариантах создает впечатление, подобное тому, которое создавалось посредством повторения эпитета «печальный» в первом четверостишии: вокруг лирического героя сгущается атмосфера одиночества, и он сильнее начинает ощущать однообразие окружающих его явлений («колокольчик **однозвучный**»); создается впечатление, что колокольчик тоже наскучил лирическому герою, что передается повтором глагола «гремит». Позднее Пушкин конкретизирует образ, оставляя один глагол и вводя уточняющие детали – колокольчик гремит «на дуге», а затем – «на своей дуге». Характерной чертой является выбор именно глагола «гремит», создающего ощущение не легкого перезвона, а тяжелого, давящего звучания, что вызвано стремлением выдержать основную тональность стихотворения. Строка вновь подвергается изменению:

Преодо мной гремит гремит.

Так сохраняется звучание колокольчика. В окончательный вариант «Зимней дороги» входит строчка, в которой остается лишь общее впечатление:

Утомительно гремит.

Создание третьей строфы Пушкин начинает со слова «*песнь*». В процессе работы над текстом образ уточняется:

- а) пенье удалое
Молодое ямщика
- б) пенье удалое
Молодого ямщика
- в) [пение живое]
[Молодого] ямщика

В результате создается целое законченное предложение:

Сердце русское простое
[Слышно] в [песни] ямщика,

которое изменяется на:

[Чувство] [русское простое]
[Слышно] в песнях ямщика

Затем Пушкин обращается к внутренним, тайным ощущениям лирического персонажа, он отказывается от конкретизации образа, заменяя «сердце» и «чувство» неопределенным «что-то»:

[Что<то> слышится живое <?>]
В[т<ихих><?>] песнях ямщика

И, наконец, позднее – окончательный вариант:

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика

Изменение эпитетов в первой строке («живое» на «родное») переносит акцент с реалий внешнего мира на внутренний мир героя, смягчает противопоставление реального и идеального, делает их в чем-то созвучными друг другу. В этих строках устанавливается внутренний контакт с ямщиком, и снова вступают в свои права впечатления действительности:

[Ель под инием сребрится]
*
[Сосны инием сребрятся]

Четвертая строфа (в окончательном варианте она является пятой) продолжает главный мотив «Зимней дороги»: песня ямщика не смогла отвлечь лирического героя от тяжелых мыслей, и он по-прежнему погружен в атмосферу одиночества и тоски.

Новое четверостишие начинается со слов «скучно-грустно...». Но появившееся обращение «друг мой нежный», а в последующем варианте «друг сердечный» вводит в стихотворение героиню, к которой обращается лирический герой, лелея в сердце мечту о скором свидании:

[Скоро ль радостной рукою]
[Постучусь]

Поэт конкретизирует воображаемую обстановку:

[Скоро ль в комнате<?> тв<оей>]
[Очутиться мне<?>] (III, 586)

И наконец:

Скучно-грустно... друг мой Нина

Радость сердца и очей
Буду завтра у камина
В светлой комнате твоей. (III, 586–587)

Предвкушение близкого счастья, возможности увидеть любимую оттесняет ощущение одиночества и безрадостности долгого зимнего пути. Тоскливое настроение на мгновение оставляет лирического героя: он предается мечтам о скорой встрече.

В процессе работы над текстом Пушкин вносит изменения в это четверостишие. В окончательной редакции оно выглядит так:

Скучно-грустно... друг мой Нина
Завтра к милой <возвращусь>
Я забудусь у к<амина>
Загляжусь не на<глядясь> (III, 587)

По сравнению с черновой версией, в окончательном варианте исчезает конкретная обрисовка деталей окружающей обстановки, основное внимание сосредоточивается на передаче чувств: камин мыслится как атрибут спокойствия, домашней атмосферы, представляется лирическому герою тем местом, где он сможет обрести счастье и забыть об одиночестве.

Первую строку Пушкин оставляет без изменения. Во вторую же он вносит существенные поправки: «радость сердца и очей» (во втором варианте «счастье сердца и очей») заменены одним-единственным словом «милая». При этом начинает вырисовываться сюжетная нить повествования: лирический герой мечтает о возвращении к возлюбленной, встреча с которой произойдет в будущем. Пребывание в милом его сердцу доме мыслится как некая промежуточная стадия.

Третья и четвертая строки первоначального варианта посвящены описанию того места, куда в своих мечтах стремится лирический герой: камин и «светлая комната» являются атрибутами желанного дома. В третьей строке переработанного варианта остается неизменным лишь упоминание о камине. Четвертая, появившаяся в окончательном варианте, строка: «Загляжусь не наглядясь», передает отношение лирического героя к Нине.

Далее Пушкин записывает строфу, которая в окончательном варианте является четвертой по счету. В этих черновых набросках происходит возвращение к скуке зимней дороги, как бы невольная констатация того, что предстает взору героя по мере его движения вперед:

[Лишь порой ему на встречу]
[Полосатые версты]

Пушкин существенно перерабатывает этот образ, и появляются следующие строки:

а. И кругом <?>
б. Ни огня, ни хаты

*

на встречу мне
Только версты полосаты
Попадаются <одне>

Следующий этап работы над четверостишием – поиск точных слов в третьей строке:

Мрак и глушь – на встречу мне
Дичь и глушь – на встречу мне
Снег и глушь – на встречу мне,

и, наконец, окончательный вариант:

Глушь и снег... Навстречу мне и т. д.

Поиск нужного слова ведется среди лексически близких единиц: «мрак», «дичь», «глушь». Однако «мрак», слово достаточно экспрессивное, сменяет слово «дичь», но «глушь» и «дичь» – почти синонимичны, и поэт останавливается на слове «снег», снимая тем самым излишнюю экспрессию и придавая большую нейтральность тексту.

Далее поэт обращается к прерванным мечтаниям. Работу над следующим четверостишием Пушкин начинает со слова «время», затем записывается следующее слово «полночь», таким образом, время конкретизируется, наполняется новым смыслом: полночь – таинственный час, символизирующий конец старого и начало нового дня, т. е. своеобразный рубеж, за которым стоит неизвестное и неизведанное. Конкретизация образов говорит о том, что автор как бы стремится приблизить час свидания. Следующие, записанные Пушкиным строки:

[Час настанет]
[Стрелку передвинет]
[Стрелки часовые]
[Тихо стрелки часовые]

И, наконец, поэт открывает самое заветное и дорогое для него:

Звучно стрелка часовая
Путь свой полный совершит
В полночь тьма ночная

От абстрактного образа времени поэт переходит к конкретному образу часовой стрелки, «звучно» совершающей свой путь. Поэтическая мысль останавливается на слове «полночь». В процессе работы происходят изменения и во второй строке:

Путь свой мерный совершит

*

Круг свой полный совершит (III, 588)

Итоговая строка объединяет эти две строчки и звучит:

Мерный круг свой совершит

Таким образом утверждается идея неотвратимости и неизбежности хода времени, неподвластного человеку и не зависящего от переживаний людей, – движение часовой стрелки «мерно» и бесконечно.

Третья строка также претерпевает изменения:

И разлучая
И ревнивцев удаляя, –

а в заключительном варианте:

И докучных удаляя
Полночь нас не разлучит

Первоначально заключительная строка читалась иначе:

Нас ник<то> не разлучит, –

однако в процессе создания стихотворения образ полночи, появившийся в самом начале работы над шестой строфой, занимает более определенное место: лирический герой мечтает о том, чтобы остаться наедине с возлюбленной, и ни люди («докучные»), ни силы природы («полночь») не в состоянии ему помешать.

Окончательный вариант четверостишия выглядит таким образом:

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит
И, докучных удаляя
Полночь нас не разлучит (III, 588)

Поэт как бы отчетливо представляет свидание, мечта согревает и успокаивает его душу. Но тем более странной и непонятной кажется последняя, заключительная строфа «Зимней дороги». Ее черновой вариант начинается словами «Грустно, Нина, скучно».

Заключительная седьмая строфа первоначально предстает в виде:

Скоро ль Нина — Путь мой скучен
Светит бледно лик луны
Колокольчик однозвучен
Смолкнул (III, 588)

В процессе работы Пушкина над стихотворением в первой строке «скороль» изменяется на «грустно». В целом же она перекликается с первой строчкой пятого четверостишия:

Грустно, Нина: путь мой скучен

Настроение тоски, овладевшее лирическим героем, не исчезает и после ласкающих душу мыслей, связанных с милым его сердцу домом и его обительницей.

Вторая строка также подвергается изменениям: «лик луны» Пушкин заменяет новым оборотом «лунный лик»:

Светит бледно лунный лик –

И в окончательном варианте:

Отуманен лунный лик

Вторая строка переносится на место четвертой: круг замкнулся. «Зимняя дорога» начинается с описания картины природы, которая предстает взгляду проезжающего путника, а самые первые строчки звучат таким образом:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна

Последняя строка объединяет в себе образы тумана и луны, возвращая нас к первоначальному ощущению тревоги и тоски.

Звон колокольчика становится еще отчетливее слышен из-за царящей вокруг тишины:

Дремля смолкнул мой ящик,

и лирический герой остается один на один со своими тяжелыми мыслями и переживаниями.

Окончательный вариант седьмого четверостишия выглядит так:

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ящик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик. (III, 42)

Следует отметить, что первый образ, всплывающий при пробуждении лирического героя в его сознании, – звуковой («Колокольчик однозвучен»), но у автора ничего теперь не остается, кроме его надежды, поэтому даже ящик

«смокнул». Повторяющиеся в прежней последовательности образы: луна, колокольчик, ямщик – возвращают его к безотрадной действительности.

В беловой автографе Пушкиным был изменен порядок трех первых строф: «По дороге зимней, скучной...», «Что-то слышится родное...», «Сквозь волнистые туманы...», то есть сначала перечисляются только слуховые впечатления, более динамичные, затем зрительные, более печальные, завершающие описание дорожной скуки. После черты следует обращение к подруге, и уточняется образ:

Ни огня, ни бедной хаты

Зрительный эпитет заменен эмоционально-оценочным, хотя в окончательный текст входит строка:

Ни огня, ни черной хаты

с контрастными зрительными образами. Они обогащаются общими по тональности впечатлениями:

Глушь и снег... На встречу мне

И появляются более определенные указания:

Завтра в город возвратясь, –

снова замененные первоначальным вариантом Пушкина:

Завтра к милой возвратясь.

Последние четыре стиха в беловой редакции у Пушкина отсутствуют. Таким образом, стихотворение заканчивается надеждой на свидание.

Поэт вновь меняет порядок строф: «По дороге зимней, скучной...», «Сквозь волнистые туманы...», «Что-то слышится родное...», т. е. опять слуховые образы чередуются у Пушкина со зрительными. В окончательном тексте восстановлено расположение строф черновика, доработана и последняя строфа.

Конкретизация эпитета в первом четверостишии («печальный свет»), повтор эпитета «однозвучный» в первой и последней строфе, проходящий через весь текст стихотворения лейтмотив «скучно, грустно» последовательно воссоздает ощущение тоски и душевной подавленности.

Подбор нужных слов в третьей строфе позволяет путем наименьшей конкретизации образа добиться нужного впечатления: в «пении» молодого ямщика лирическому герою сначала слышится «сердце русское простое», затем «чувство русское простое», которое в окончательной редакции сменяется неопределенным словом «что-то». Таким образом, при чтении окончательного варианта создается впечатление универсальности, всеохватности лирического сознания: «что-то» является как бы символом некоего скрытого от взора людей иллюзорного мира.

Наиболее важный этап работы над стихотворением – это создание пятого и седьмого четверостишия. Черновые записи свидетельствуют о том, что работа над ними проходила примерно одинаково, по одной и той же схеме: сначала записывалась первая строчка, создающая какой-либо образ, а затем этот образ получал дальнейшее развитие. Начав пятую строфу со слов «скучно-грустно» и «друг мой нежный», поэт развивает эти образы, воссоздавая картину встречи лирического героя с любимой. Седьмую строфу Пушкин начинает с образа времени, который в процессе работы над текстом получает конкретное воплощение в слове «полночь» и дальнейшее развитие в образе часовой стрелки, совершающей свой «мерный» путь по часовому циферблату.

В процессе работы над заключительным седьмым четверостишием поэт возвращается к поэтическим образам, с которых начинается стихотворение: «лунный лик», однозвучно звенящий колокольчик, туман. Кроме того, поэт заменяет первую строку: вместо «Скоро ль, Нина...» он ставит «Грустно, Нина...», что усугубляет общее впечатление безотрадности существования.

Сведения об авторе:
Александр Андреевич Смирнов,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander Smirnov,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
a41smirn@yandex.ru